

Обыск - 79, восьмой.

(Заявление для печати).

В воскресное утро 26 августа, в последний день моего летнего отпуска, ворвавшись в квартиру обманом и путём, нагрянули ко мне державные, незваные "послы".

Это был 8-й обыск, проводимый в моей квартире за 5 прошедших в ней лет, 8-й налет на мой письменный стол, на книги, стихи, на мой литературный архив.

В сообщениях "Голоса Америки" и "Би-би-си" 27-го было сказано по ошибке: "московская милиция извела бумаги у Виктора Мекителова в городе Владимире..."

Нет, не милиция - прокуратура и КГБ. И не во Владимире - в небольшом городке Камешково Владимирской области, где вынужден жить, почти как в ссылке, после репрессивного выселения из Подмосковья в 1971 году.

Обыск был проведен по санкции пом. прокурора Москвы В. Смирнова. В порядке вновь мелькнули знакомые цифры: 46012/18-76, - таинственное и бесконечное дело, по которому у меня уже производили обыск 3 года назад, 23-го 76 года. По этому же делу позже проводились обыски у Ю. Гастева (X-1976), А. Гинзбурга, Ю. Орлова, Л. Алексеевой (I-1977), у менов редколлегии журнала "Любские" (1978-79) и у многих-многих других.

Руководил обыском де-юре пом. прокурора Владимирской области Т. Юров, хотя де-факто хозяйничал в доме майор Владимирского УКГБ Н. Обрубов. Участвовали также прокурор-криминалист из Владимира Т. Кили и инспектор уголовного розыска из Камешковской милиции В. Хохорин. Таким образом, налицо было "боевое взаимодействие" всех охранительных систем государства: прокуратуры, милиции и КГБ.

Предметом сыска вновь было Слово, или как они записали в протоколе: "разного рода литература, не издаваемая официальными органами печати СССР". Удобная формула, гребни всё подряд!

И гребли. Рылись в книгах, шкафах, в надворном сарае. Рылись в диване, заставив подниматься с постели больного сына.

Обыск длился 9 часов. Среди изъятых (в общей

сложности 117 наименований): 15 документов Московской группы "Хельсинки", членом которой я являюсь; 4 выпуска "Хроники текущих событий"; около 20 документов Института по защите прав инвалидов в СССР... Забраны газеты "Русская мысль", машинописные книги В. Турчина "Имерские страхи" и А. Сахарова "О стране и мире", статьи Я. Солженицына "Жить не по лжи" и заявление Т. Ходоровича "Я хочу жить по законам совести", рукописи художественных книг: Н. Толмачева "Живи и радуйся" и Г. Белекова "Иванова топь".

Из моих собственных работ:

1. Обвинительный документ "Кто ответит за преступление?" - моя попытка привлечь к ответственности конкретных виновников заключения Михаила Кукобаки в психиатрическую тюрьму в 1970 году.
2. "По режиссерским соображениям" - заявление по поводу отказа мне в выезде из СССР, 1978 г.
3. Письмо в Государственный департамент США.
4. Копия письма во французский Пен-клуб по случаю избрания меня членом этой организации, 1978 г. Вместе с этим изъят и устав Пен-клуба.
5. Мои статьи о суде над М. Кукобакой, 1979 г.

Самой тяжелой потерей было изъятие пишущей машинки, моей старой, верной, рабочей "Эрики", которая уже репрессировалась на 2 года вместе со мною в 1972 году...

Искатели покинули квартиру (надолго ли?), оставив после себя груды изорванных книг и бумаг на полу, осверженные письменным столом, разбитые шкафы и чемоданы. Оставив в воздухе мерзкий запах беспорядка и мародерства.

Я расцениваю этот обыск как еще одну, четко запланированную акцию против меня лично, против группы "Хельсинки", против правозащитного движения вообще.

Так вот советское государство и готовится в олимпийский год!

28 августа 1979 г.

г. Калужско-Владимирской области
ул. Советская 2 5 кв. 14